

ПОЛОВЦЫ

The background features a large, abstract geometric composition. A large light blue triangle occupies the right side and bottom. On the left, there is a smaller orange triangle pointing downwards and a teal triangle pointing upwards, both overlapping the light blue area.

Многие авторы древности упоминают о кочевых народах восточноевропейских и азиатских степей, называя их кимаками и кипчаками. Эти два племени были частью союза, состоявшего из семи племен и получившего впоследствии название Кимакский каганат. Часть населения каганата, жившая ближе к центру союза, в Прииртышье, приблизительно в IX-X вв. переходит к оседлому образу жизни. Однако значительная часть входивших в каганат орд продолжает вести кочевой образ жизни. Особенно выделяются тут кипчакские орды, о чем свидетельствуют и письменные, и археологические источники.

Расцвет хозяйственной жизни в каганате приводит к ослаблению влияния центра на отдельные владения, между ними возникают противоречия. Центральная власть была уже не в состоянии навести порядок в стране, и на рубеже X-XI вв. кипчаки фактически становятся самостоятельными. В начале XI в. они двинулись к западу. Один из восточных писателей - таджик Насири Хусрау - в середине XI в. писал о приаральских степях не как о гузских, а как о кипчакских.

Армянский историк Матвей Эдесский говорил, что народ змей ("каи" - змея - одна из транскрипций этнонима "кимаки") потеснил неких "шары" (желтых) и последние двинулись на гузов, потеснив, в свою очередь, их. Шары, по мнению большинства ученых, занимавшихся кочевниками средневековья, - это кипчаки или половцы. Откуда пошло это последнее название? Многие исследователи, исходя из значения русского слова "полова" - солома, мякина, и "палевый", т.е. белесовато-соломенный, видели намек на светло-желтый цвет и считали, что половцы были белокуры и голубоглазы. Их происхождение пытались связывать с "динлинами", обитавшими в степях Южной Сибири в конце I тысячелетия до н. э. - начале I тысячелетия н. э., и бывших, по сведениям китайских хронистов, блондинами. Вполне возможно, что среди половцев и были блондины, но основная масса состояла из тюркоязычных монголоидов кимако-кипчаков и была черноволосой и кареглазой. Не исключено, что цветное название было символическим и определяло какую-то часть кипчаков (возможно, самую привилегированную). Так выделяли, например, "черных" болгар, а позже цветовым признаком обозначались монгольские государства - Синяя Орда, Белая Орда и другие. Высказывалось мнение о первоначальной форме этнонима как "онополовцы", т.е. жившие по ту сторону реки, в данном случае, Днепра.

Известный американский востоковед украинского происхождения Омелян Прицак предположил, что основой названия послужило русское слово "поль" в значении "открытый, свободный, полый", и, таким образом, оно является прямым русским переводом тюркского названия половцев "кипчак". Автор также предположил, что этноним мог пониматься и как "степные люди". Более правдоподобной выглядит версия Санкт-Петербургского тюрколога Константина Жукова о том, что на Руси было известно значение тюркского слова "кипчак" - дупло, дуплистое дерево. Связано оно с легендой, известной в изложении персидского летописца Рашид-ад-Дина о происхождении кипчаков от мальчика, родившегося в древесном дупле. Таким образом, половцы - это происходящие из пола, дупла. В западных странах они были известны больше как "команы". Знали о соответствии этих наименований и древнерусские летописи.

На запад отправились не только кипчаки, но и другие союзные племена. Вся эта лавина двигалась по дорогам широко открытым и давно проложенным до них предыдущими кочевыми волнами. В начале XI в. половцы появляются уже в Поволжье и Донских степях. По сообщению русского летописца, в 1055 году они подходят к южной границе Руси (орда хана Блуша). Русь заключает с ними мир и половцы возвращаются, скорее всего, в придонские степи. Здесь они продолжают кочевать и совершать набеги на соседей. В XII в. у шары-кипчаков происходит демографический подъем. Донецкая орда начинает поиск новых земель и расселяется дальше на запад, что продолжается и во второй половине XII в. Она занимает правобережье Днепра (до Ингульца) и крымские степи, о чем можно судить по распространению каменных изваяний, отмечающих курганы с захоронениями половцев.

Отсюда они продолжают набеги на Русь и Византию, в чем достигают больших успехов. Византия предпочитает быть с ними в союзе, осуществляя связи через Херсон (Херсонес) и, особенно, через Сугдею (Судак). Русь, несмотря на свои победы над кочевниками, так и не смогла сколько-нибудь значительно углубиться внутрь половецких владений. Достаточно вспомнить печальный финал похода, предпринятого в 1185 г. новгород-северским князем Игорем Святославовичем на половцев хана Кончака.

Конкретные сведения о пребывании половцев в Крыму содержат несколько письменных источников. В 1154 г. арабский географ ал-Идриси, живший в Сицилии при дворе норманнского короля Рожера II, завершил свой труд под пышным названием "Развлечение истомленного в странствии по областям". Это был так называемый "Дорожник", содержащий описание берегов Средиземного и Черного морей, с указанием приморских городов, портов, якорных стоянок и прочей информации, полезной для практического мореплавания и торговли. Побережье Крыма описано здесь с весьма высокой степенью точности, указаны расстояния между береговыми пунктами, дана краткая характеристика некоторых из них. Упоминаются Карсуна (Херсон), Джалита (Ялта), Гурзуби (Гурзуф), Бартанити (Партенит), Лабада (Ламбат, ныне Малый Маяк), Шалуста (Алушта), Султатийа (Судак), Бутар (Феодосия ?) и далее, на азиатском берегу, Матарха (Тмутаракань). В этом перечне особый интерес представляет первое в источниках упоминание Джалиты-Ялты, причем только для нее сделано указание, что "это город [принадлежащий] стране ал-Куманийа". Почему именно для этого пункта? До сих пор нет каких-либо определенных сведений о пребывании половцев на Южном берегу Крыма. Крайняя южная граница распространения их надкурганых изваяний проходит по правобережью нижнего течения реки Качи. И это понятно: данный район органически сливается с равнинной частью полуострова. Кочевники вообще не очень стремились втягиваться в лабиринты горных проходов. Они предпочитали договариваться с горцами о плате за их спокойную жизнь. Устанавливался размер и время передачи дани. Проезжавший через крымскую степь из Судака по направлению к Перекопу монах-францисканец Виллем Рубрук отметил, что до прихода татар, т.е. за 20 лет до этого, здесь жили команы, которые заставляли приморские города и замки платить им дань. Важно отметить, что с середины XI до 20-х гг. XIII в. для обитателей предгорий и побережья Таврики наступило благоприятное время. Нам не известно ни об одном военном вторжении в эту область.

Археологические материалы рисуют картину мирной жизни христианского населения. Наряду с многочисленными селами появляются монастыри, некоторые поселения начинают приобретать характер "малых городов", например, Бакла, Эски-Кермен, продолжается жизнь Херсона. Правда, этот древний город теряет свою былую привлекательность для широкой международной торговли. Более удобным для нее теперь признается Судак-Сурож, как более приближенный к основным степным маршрутам. Этот город становится главным контрагентом древнерусских городов и, прежде всего, Новгорода. В эту торговлю активно включились и половцы, часть которых, вероятно, даже осела в Судаке. Как в свое время хазары сделали степь на время своего владычества безопасной для торговых караванов, так и кипчаки пытались играть эту роль, правда, не столь успешно, так как, в отличие от Хазарии, Кумания так и не стала государственным образованием. Половцы сохранили деление на орды и родовые кланы, нередко враждовавшие друг с другом. Не удалось им подчинить и своих северных соседей, с которыми нередко вспыхивали военные конфликты, обмены ударами, не способствовавшие установлению действительно длительного и прочного мира в степях. В этой связи можно понимать определение Ялты команским городом как указание на его особые отношения с хозяевами степей; возможно, была установлена определенная зависимость этого района полуострова от половцев, тем более, что арабский текст дает и возможность такого понимания, что речь идет о пространстве от Херсона до Ялты. На главный торговый город Юго-Западной Таврики команы не могли не обратить внимание, учитывая и то, что к нему вели хорошо известные удобные дороги. Южный берег в то время действительно начинает оживать, но хороших дорог здесь не было и в начале XIX в., когда А. С. Пушкин с Н. Н. Раевским пробирались горными тропами к Георгиевскому монастырю, держась за хвосты своих лошадей.

Если памятников пребывания на полуострове предшественников половцев, печенегов, относительно немного, то кипчаки оставили куда больше следов. Земли в окрестностях Евпатории и на Керченском полуострове были облюбованы ими для зимовок. Здесь располагались таборные стойбища, обраставшие постепенно кладбищами. Как и большинство кочевников, половцы обычно использовали для захоронений древние курганы. Однако возле зимников умерших хоронили в обычных грунтовых могилах. Такой некрополь был раскопан на берегу соленого озера Сасык, недалеко от евпаторийского порта. Обнаруженный здесь погребальный инвентарь хорошо иллюстрирует быт половцев, обитавших здесь в XII-XIII вв. Умерших сопровождало оружие: ромбовидные наконечники стрел и копий, ножи в деревянных ножнах, восьмигранный шестопер, навершия шлемов, фрагменты кольчуг, пластины панцирей. Красноречивы детали одежды - пряжки с язычками, нашивные бляшки, остатки ткани и кожи. Укладывали и бытовые предметы, например, ножницы, кресала, бронзовые зеркала. И, конечно, конская сбруя: стремяна, удила, пряжки. В каждом погребении находились медный котелок или чашка. О важном ритуальном значении этих предметов говорит то, что они часто изображались на половецких изваяниях, венчавших курганы. Еще в начале прошлого века эти каменные стражи степей встречались столь часто, что до сих пор чуть ли не в каждом музее можно встретить их, и отнюдь не единичные экземпляры. Сельскохозяйственное освоение степей Таврии привело к массовой распахке курганов и свержению этих, казалось бы, вечных исполинов.

Запечатлелась память о половцах и в географических названиях с элементом "кипчак", сосредоточенных, в основном, в степной части полуострова. Да и все степное пространство Северного Причерноморья и далее на восток называлось Дешт-и-Кипчак, т.е. "Половецкая степь".

Замечательным памятником половецкого языка является словарь XIV в. Кодекс Куманикус (Codex Cumanicus), обнаруженный в архиве знаменитого итальянского поэта и гуманиста Петрарки. Этот словарь предназначался для торговцев, дипломатов и миссионеров, то есть тех европейцев, кто, отправляясь в далекое Северное Причерноморье, радели об успехе своих миссий. Залогом этого было знание местных языков, или еще лучше того языка, которым пользовалось большинство местного населения. Таким языком межэтнического общения, своеобразным койнэ степей, был язык кипчаков. Его хорошо понимали и в кочевых таборах, и в приморских торговых городах. Кодекс является ценным источником для изучения истории формирования других тюркских языков, которые зазвучали на просторах Дешт-и-Кипчак после ухода половцев с исторической арены. Это языки крымских татар, ногайцев, караимов, крымчаков.

Счастливые времена для команов закончились в 20-х - 30-х гг. XIII в. с вторжением в Восточную Европу монголо-татар. Часть их выселилась в Закавказье, часть ушла в русские земли, часть - на Балканский полуостров и в Малую Азию. Орду половцев под предводительством хана Котяна, тестя князя Даниила Романовича Галицкого, принял венгерский король Бела IV. На дочери хана женился наследник венгерского престола Стефан V, что обеспечило половцам в Венгрии достаточно прочное положение. Часть половцев добралась до мамлюкского Египта, влившись в ряды военного сословия, из которого некоторым беглецам и их потомкам удалось забраться на султанский трон.

Какова же была судьба половцев, оставшихся на местах своего традиционного обитания? Значительная часть их погибла при первом вторжении монголов в степи Северного Кавказа и Северного Причерноморья. О массовой гибели команов в Таврике сообщает на основании сведений спутников из местных жителей упоминавшийся выше Виллем Рубрук. Однако, очевидно, что далеко не везде картина была таковой. В северо-западной части Причерноморья кипчакское население было адаптировано завоевателями. На основе его сформировался тюркоязычный этнос, известный с XIV в. как ногайцы. Пожалуй, наиболее определенные сведения о слиянии монголов и половцев сообщает арабский автор XIV в. Эль-Омари: "В древности это государство (Золотая Орда) было страной кипчаков, но когда им завладели татары (монголы), то кипчаки сделались их подданными. Потом они (монголы) смешались и породнились с ними (кипчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монголов), и все они стали точно кипчаками, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)".

О значительной роли половецкого компонента свидетельствует сохранение вплоть до XVI в. названия степной полосы между Дунаем и Доном - Дешт-и-Кипчак, то есть Половецкая Степь. О многочисленности здесь половцев упоминает ряд арабских авторов, например, ал-Калкашанди (1355-1418). По его словам, кипчаки, "тюркский народ, кочующий как бедуины", - основное население Дешта.